

Хоман стоял на месте, а на душе у него скребли кошки. Будучи сам по себе стражем, он умудрялся проигрывать в физической силе какой-то глупой, вечно ухмыляющейся тупой собачонке из младших классов, в то время как Людвиг, будучи проводником, мог голыми руками отметить семерых-восьмерых стражей уровня В и С.

В его сердце причудливым образом сплетались неконтролируемое, горькое чувство зависти и какого-то уязвленного несогласия с невероятной силой этого проводника, смешанные с жгучим желанием подчинить его себе. Третий принц впервые испытал столь непередаваемую гамму чувств.

Хоман, всегда отличавшийся тонкой интуицией, смутно ощущал некое несоответствие между чудовищной силой Людвига и его статусом проводника, и даже...

Даже чувствовал, что тому вообще не следовало быть проводником.

Впрочем, эта мысль лишь мелькнула в голове Хомана, как тут же была вытеснена внезапным происшествием.

Вжух!

Людвиг, казалось бы, погруженный в раздумья, внезапно, без всякого предупреждения, швырнул в него камень.

Оцепеневший Хоман с трудом увернулся, отскочив в сторону, а сидевший на плече у Людвига попугай повернул голову и в упор уставился на него круглыми глазами.

Хоман замер. После этого его тело полностью утратило способность двигаться.

Взгляд странного волнистого попугайчика был прямолинейным и пронзительным, казалось, он заглядывал ему прямо в душу. Непонятное чувство дежавю, словно ключ, с щелчком повернувшийся в замочной скважине, принесло мимолетное прояснение, но всё вокруг было затянуто туманом, и разглядеть что-то конкретное не удавалось.

Словно какие-то нити туго переплелись между собой, и Хоман даже почувствовал, что через этот взгляд попугая может смотреть на самого себя.

Что это такое?

Почему так происходит?

Что случилось?

Какого чёрта эта за птица?

Волнистый попугайчик, похоже, тоже ощутил необычную связь между собой и Хоманом, склонил голову набок и принялся разглядывать его, даже не шевелясь.

Вопросы громоздились один за другим, сплетаясь в сплошной клубок загадок.

Однако прежде чем Хоман успел раскрыть рот, следовавший за ним по пятам черный дракон Симон издал яростный рев и бросился на Людвига.

Черт возьми!

Этот гад Симон всё это время тащился за ним!

— Назад! — рявкнул Хоман.

Но Симон был вечно непослушным — с чего бы ему возвращаться из-за какого-то окрика? Разящая пасть дракона извергла сгусток черного пламени.

Научился плевать огнем и возомнил себя великим?!

Людвиг, похоже, тоже удивился, заметив Симона, но стоило тому атаковать, как он мгновенно отреагировал, и с молниеносной скоростью они сошлись в схватке, обменявшись ударами.

Симон довольно взвизгнул и снова бросился на Людвига.

Волнистый попугайчик, исстари умевший избегать опасности и искать выгоду, взмахнул маленькими крылышками и перелетел к Хоману, ласково уютившись у него на плече.

Хоман, который уже собирался броситься в гущу битвы, чтобы оттащить Симона, оцепенел: ему еще никогда не доводилось прикасаться к столь нежным существам.

Крошечный комочек перьев пестрой окраски — ярко-красный, желтый, зеленый и синий цвета на удивление гармонично переплетались друг с другом, — казалось, от мягкости мог растаять в любой момент.

Хоман медленно протянул руку и потрогал его пушистую головку. Попугайчик оказался смышленным: он склонил набок голову и принялся тереться о его палец.

Тепло кончиков пальцев постепенно передавалось в сознание, и Хоману показалось, что он больше не слышит фонового шума продолжающейся драки.

Волнистый попугайчик тоже явно нашел это приятным — по крайней мере, его собственный хозяин-проводник никогда так его не гладил, — поэтому он поднял голову и решил сделать комплимент этому внезапно объявившемуся типу: — Здесь гораздо ниже, чем у Людвига.

Заперевшись в кабинке мужского туалета учебного корпуса, Хоман хмурился. Тело его застыло на месте, но сознание устремилось в бесконечный полет, словно следуя за каким-то крылатым существом сквозь беленую пелену тумана, вглубь несуществующей бездны.

Ему даже довелось разглядеть светлые кончики волос и золотистые глаза.

Людвиг.

Это безвольно устремившееся вдаль сознание продолжало следовать за целью, а тянущаяся с другого конца связь отдавалась безумной тяжестью, причиняя боль, словно натянутые до предела нервы.

— Ррр!

Яростный рык Симона резко вернул Хомана в реальность.

Обливаясь холодным потом, Хоман открыл глаза и окончательно убедился в страшной догадке: его сознание почему-то неизменно следовало за тем волнистым попугаем.

И это происходило уже не в первый раз за эту неделю.

В тот день, усмирив Симона, Людвиг странно посмотрел на Хомана и бросил свирепым тоном, каким обычно отгонял остальных стражей: — Не тащись за мной.

Волнистый попугай, несмотря на свой мерзкий язык, похоже, совсем не хотел расставаться с Хоманом и вцепился когтями в его плечо мертвой хваткой.

Людвиг просто схватил птицу за шкурку и удалился.

А попугай всё вытягивал шею и вопил во всю глотку: — Папаша, я не уйду, я никуда не уйду!

Этот горластый пернатый паразит, судя по всему, и был компаньоном Людвига.

Вжух!

Шаг Людвига внезапно оборвался, зрачки сузились, и его правая рука рефлекторно потянулась перехватить запястье непрошеного гостя, но тот ловко увернулся.

Спустя мгновение страж с изумрудно-зелеными глазами уже стоял перед ним: в одной руке он сжимал кинжал, а другой зажал прядь серебристых волос.

Глаза Людвига сузились, излучая опасный блеск.

Жизнь доказывала, что хитрый Хоман никогда не сидел сложа руки в ожидании смерти, а тупо стоять столбом было вовсе не в его стиле. Пока Людвиг сцеплялся с теми стражами, он исподтишка внимательно наблюдал за углами его ударов и техникой боя, придя к четкому выводу: этот парень вообще не проходил профессиональной подготовки.

Его пугающая боевая мощь объяснялась вовсе не техникой, а исключительно превосходящими обычных людей пятью чувствами, реакцией, чудовищной силой, развитой мускулатурой, обеспечивающей свободу движений под любыми углами, и звериным инстинктом.

Это открытие давало Хоману шанс. Стоит напомнить, что преподаватели боевых искусств вечно вешали на него ярлык избыточного использования техники. Столкнувшись с таким «диким» стилем Людвига, основанным на «абсолютной силе», он, может, и не повергнет его разом, но уж точно не останется внакладе.

Хоман лукаво усмехнулся и с невозмутимым видом запихнул несколько сверкающих на солнце золотистых прядей в маленький флакончик: — Раз уж ты так гостеприимен, я так и быть, приму твой подарок.

Людвиг, ошеломленный столь бесцеремонным словесным харасментом, на мгновение запнулся.

Время тянулось невыносимо долго, от волнения спина Хомана покрылась потом, но дух был на высоте. Он живо представлял себе, как раздражение заставляет нежную кожу Людвига покрываться розовыми пятнами, как тот свирепо замахивается на него кулаком, едва сдерживаясь от гнева, или же в бешенстве бьет его в живот своей сильной длинной ногой, после чего оказывается повержен и прижат к земле.

Но в реальности не произошло ничего.

Если не считать той круглоглазой птицы.

Людвиг зашагал широким шагом прочь.

Даже не оглянувшись.

Хоман подавился воздухом, внезапно осознав, что зажатая в руке прядь волос превратилась в насмешку над ним.

Он и не подозревал, что за его спиной из глаз Людвига буквально полыхало багровое пламя, а каждый шаг отдавался так, будто он собирался проломить землю.

Вернувшись в реальность, Хоман смахнул со лба капли пота.

Он всё же переоценил себя: Людвигу было абсолютно наплевать на всех вокруг. А значит, тот и в грош его не ставил.

Хотя... может, он просто ушел, опасаясь его королевского происхождения? Или всё же испытывал к нему какую-то странную симпатию?

Много ли на свете людей, которым Людвиг лично протягивал носовой платок? При этой мысли Хоман вновь почувствовал странный прилив возбуждения —

Хрясь!

Маленький пузырек со светлыми волосами выскользнул из рук и разбился о пол.

Хоман резко пришел в себя. Подняв флакон, он долго смотрел на него.

В такой странной ситуации он всё еще думал о всякой чепухе — недаром гласит старинная мудрость: даже герои падают перед красавцами.

Сейчас куда важнее было разобраться, почему его душа то и дело уносится к Людвигу. Неужели он и впрямь потерял голову от любви?

Словно угадав мысли Хомана, Симон презрительно фыркнул, до смерти напугав парня. Впрочем, после недавней похвалы эта зверюга стала намного послушнее.

Хоман напрямик направился в библиотеку.

Он просидел там весь вечер, но почерпнул лишь крупички информации. Духовная связь стража с животным-компаньоном другого проводника — о таком не слыхивали даже в легендах.

Конечно, в теории возможно, что у истинной пары стража и проводника после долгих лет гармонизации и достижения стопроцентной синхронизации душ их духовные сущности могут сливаться воедино.

Истинная пара.

Какая уж там пара с Людвигом — он сам еще даже совершеннолетия не достиг, о чем тут

говорить? Без совершеннолетия какая может быть пара? И стоило заикнуться о возрасте, как его вновь неодолимо захлестнуло воспоминание о том факте, что у него самого со зверем-компаньоном Симоном не было вообще никакой духовной связи.

Хоман отложил толстую книгу и потер виски. Скосив глаза, он внезапно заметил копну ярких рыжих волос.

Это оказался тот самый парень по имени Вуд, который неторопливо читал у окна.

Хоман задумчиво моргнул, бросил на него единственный взгляд, быстро собрал вещи и вышел.

Едва переступив порог библиотеки, он получил благодарственное письмо от маршала Бомпаса.

Маршал сообщал, что кандидат, рекомендованный Хоманом, пришелся ему по душе, и он будет рад дальнейшему общению при наличии свободного времени.

Выключив голоком, Хоман холодно усмехнулся.

Похоже, сменить подход было правильным решением: не пытаться протиснуться туда силой, а использовать подходящую кандидатуру, чтобы заработать у маршала должок. К сожалению, это никак не отменяло того факта, что при одном упоминании Фергюса Хомана начинало тошнить. Две задачи, которые ему так не терпелось решить — достижение совершеннолетия и поступление в Ирис, — каким-то чудом достались этому выскочке-простолюдину, в то время как сам он всё еще топтался на месте.

То ли от накопившейся злости, то ли еще от чего, но принца Хомана, у которого на фоне стресса то и дело поднималась температура, вдруг качнуло, и он, ухватившись за стену, на мгновение замер.

Вероятно, бессознательная духовная связь с попугаем слишком сильно натянула его нервы. Придя к такому выводу, Хоман с удивлением осознал, что уже две ночи не сомкнул глаз. Его прошиб холодный пот, и если так пойдет дальше, он рано или поздно заработает нервное истощение.

Пожалуй, стоит пойти в общежитие и немного вздремнуть.

Вот только фраза о том, что небеса всегда благосклонны к людским желаниям, никогда не имела к Хоману никакого отношения.

<http://bllate.org/book/19385/1896226>